

ПУШКИН И СОБОЛЕВСКИЙ В 1826—1827 гг.

(К публикации двух стихотворений)

В Пушкине тип чисто русский, Пушкин — гений с запоем: это явление только в России и возможно. <...> Император Александр запер его в ссылку: он отрезвился и написал Бориса. Николай дал ему волю, и это пагубно для его гения.

Дневник С.П. Шевырева¹

— Знаете ли вы, Киска, что Жуковский очень любит шутить, он в ужасе от сальностей, и я тоже, вот Пушкин — любитель непристойностей.

— К несчастью, я это знаю и никогда не мог объяснить себе эту антитезу непристойного и возвышенного...

А.О. Смирнова и Н.Д. Киселев²

Осмеливаясь предложить читателям два стихотворных текста, связанных с именами Пушкина и С.А. Соболевского и относящихся к периоду их тесного общения в Москве после возвращения Пушкина из ссылки в Михайловском, напомним кратко бытовой контекст и некоторые коллизии литературных отношений того времени, которые могут послужить историческим комментарием к публикуемым стихам.

«Фельдъегерь внезапно извлек меня из моего произвольного уединения, привезя по почте в Москву, прямо в Кремль, и всего в пыли ввел меня в кабинет императора», — вспоминал Пушкин о своем приезде 8 сентября 1826 г. из Михайловского. Брат Левушка рассказывал Н. Лореру: «Небритый, в пуху, измятый, был он представлен к дежурному генералу Потапову и с ним вместе поехал тотчас же во дворец и введен в кабинет государя». По словам Николая I, Пушкина привезли «в Москву совсем больного и покрытого ранами — от известной болезни»³.

Несмотря на суету послекоронационных торжеств, беседа императора с поэтом была длительной. Вечером Николай отправился на бал, который устраивал французский маршал Мармон, а Пушкин поехал на Тверскую и снял двухкомнатный номер в гостинице «Европа». «По приезде П<ушкина> в Москву, он жил в трактире «Европа», дом бывший тогда Часов-

1 Цит. по: *Мазур Н.Н.* Пушкин и «московские юноши»: Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 67. Запись от 19 октября 1830 г.

2 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 454 («Биография Александры Осиповны Чаграновой»).

3 Цитаты, имеющие определенное хронологическое приращение, можно найти в новейших изданиях: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999; Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина: В 3 т. Т. 1. Кн. 1: 1826—1828. М., 2000.*

никова, на Тверской», — вспоминал три десятилетия спустя Соболевский. «Дом этот, уцелевший от пожара 1812 г., принадлежал к числу диковинок старой Москвы. Это были знаменитые когда-то палаты известного богача князя М.П. Гагарина, сибирского губернатора, казненного Петром I; они были построены в 1707—1708 гг. в стиле барокко. Гостиница была выбрана Пушкиным, надо думать, случайно: новой послепожарной Москвы он еще не знал, но не мог не узнать дом, хорошо знакомый ему в детстве. Заняв весьма неказистый номер в две комнаты и оставив здесь багаж, Пушкин явился к своему изумленному дяде Василию Львовичу Пушкину, который жил на Старой Басманной в доме Кетчера, напротив Главной аптеки (теперь № 36)»⁴.

Весть о появлении Пушкина в Москве быстро распространилась в обществе; Соболевский, «узнавши на бале у французского посла, от тетки его Е.Л. Солнцевой, о неожиданным его приезде, отправился к нему для скорейшего свидания в полной бальной форме, в мундире и башмаках». Он «отправился в дом Василия Львовича и застал Пушкина за ужином. Тут же, еще в дорожном платье, Пушкин поручил ему на завтрашнее утро съездить к известному “американцу” графу Толстому с вызовом на поединок. К счастью, дело уладилось...»⁵. С этого дня и до отъезда Пушкина из Москвы в Михайловское в ночь на 2 ноября 1826 г. они с Соболевским общаются постоянно.

Как вспоминал сам Соболевский, в 1810-е он мальчиком близко познакомился с В.Л. Пушкиным, частым гостем их московского дома, и был им очарован. Когда в марте 1818 г. Соболевский поступил в Благородный пансион при Петербургском Педагогическом институте, то там уже учился Лев Пушкин, с которым, по рекомендациям В.Л. Пушкина, они сдружились буквально «в первый же день», а затем Соболевский сблизился и с его старшим братом: «Александр Сергеевич часто приходил к брату; мы сходились большею частию у Кюхельбекера, учившего нас русской словесности...» «Тогда Пушкин не был еще знаменитостию; разницы между нами было мало: три года по летам и та, которая существует между кончившим курс и школьником»⁶. С самого начала Соболевский становится помощником в издательских делах Пушкина: в декабре 1818 г. он участвует в распространении подписных билетов на неосуществившееся собрание стихотворений Пушкина, в мае 1820 г. вместе с Львом готовит для печати рукопись «Руслана и Людмилы», в 1825—1826 гг. пытается посредничать в отношениях Пушкина с «Московским телеграфом» Н. Полевого.

Соболевский жил в доме А.А. Ринкевич на Собачьей площадке, где у него в сентябре—октябре 1826 г. стал часто бывать Пушкин. В холостяцкой квартире Соболевского было комфортней и просторней, чем в «довольно грязном нумере в две комнаты» (Кс. Полевой) в «Европе». Перед отъездом Пушкина 1 ноября Соболевский устроил ему многолюдные проводы на даче в Петровском. Пробыв две недели в Михайловском, Пушкин 23 ноября выехал в Москву, но причинившее ему сильные травмы падение коляски заставило поэта три недели лечиться и отдыхать в Пскове,

4 *Ашукин Н.С.* Пушкинская Москва. СПб., 1998. С. 91.

5 Записи М.Н. Лонгинова и П.И. Бартенева рассказов Соболевского. Цит. по: *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни // Соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 293—294.

6 А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 16—17.

откуда он уведомил Соболевского в письме от 1 декабря: «На днях буду у вас, покамест сижу или лежу во Пскове. Мне пишут, что ты болен: чем ты объелся? Остановлюсь у тебя». Приехав лишь 19 декабря, Пушкин остановился у Соболевского на Собачьей площадке, где и прожил почти полгода — до отъезда в Петербург 19 мая 1827 г.

Спустя 40 лет в газетной заметке Соболевский и Погодин вспоминали об этой квартире, где теперь размещался кабак, но расположение комнат не изменилось: спальня и кабинет Соболевского, общая гостиная, на другой половине — кабинет Пушкина. «Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, вы, я <Погодин с Соболевским> и другие знаменитые мужи, вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!!!»⁷

Пушкин появился в Москве триумфатором. «Мы еще теперь видим, как во всех обществах, на всех балах, первое внимание устремлялось на нашего гостя, как в мазурке и котильоне наши дамы выбирали поэта беспрерывно... Прием от Москвы Пушкину одна из замечательнейших страниц его биографии» (С. Шевырев). «Дамы кадят ему и балуют молодого человека», — сообщал жандармский полковник И.П. Бибиков. В зимний балный сезон, по словам П.А. Вяземского, они с Пушкиным и Г.А. Римским-Корсаковым составили «триумвират», без которого «не было бала в Москве». Гостиные и салоны заняты Пушкиным: «Все альбомы и лорнеты в движении» (Ф. Малевский).

В то же время по городу широко расползаются слухи о пушкинских «кутежах» и «проказах», о его «неприличных разговорах». Собственно, лица, настороженно следившие за поэтом, как бы прогнозировали такое поведение. М.Я. Фон-Фок сообщал 17 сентября 1826 г. Бенкендорфу: «Выезжая из Пскова, Пушкин написал своему близкому другу и школьному товарищу Дельвигу письмо, извещая его об этой новости и прося его прислать ему денег, с тем, чтобы употребить их на кутежи и на шампанское. — Этот господин известен за мудрствователя (philosophiste), в полном смысле этого слова, который проповедует последовательный эгоизм с презрением к людям, ненависть к чувствам, как и к добродетелям, наконец, — деятельное стремление к тому, чтобы доставлять себе житейские наслаждения ценою всего самого священного. Этот честолюбец, пожираемый жаждою вождений, как примечают, имеет столь скверную голову, что его необходимо будет прочувствовать, при первом удобном случае». Полицейской характеристике вторят и многие люди «из общества»: «...слышал так много дурного насчет его нравственности, что больно встретить подобные свойства в таком Гении. Он, говорят, несет большую дичь и — публично».

Соболевский часто сопровождает Пушкина в театре, в обществе, на гуляньях и гулянках; они ездят в одной коляске (той, у которой в ноябре сломались колеса, по словам Пушкина, «растрясенные в Москве другом и приятелем моим г. Соболевским»), они по-дружески «сблизились». 27 сентября Соболевский сообщает в Петербург В.Ф. Одоевскому: «Здесь Пушкин, не Лев и не Василий Львович, а Alexandre, с которым мы сделались неразлучны. С тех пор, как я с ним сблизился, он мне нравится более прежнего, ибо он в моем роде. Любит себя показывать не в пример худшим, чем он на деле». Тут сложился тот тип их внешних отношений, который спустя год был воспроизведен уже при встрече в Петербурге.

7 А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 13.

В агентурных полицейских донесениях за октябрь 1827 г. говорилось: «Поэт Пушкин здесь. Он редко бывает дома <в гостинице Демута>. Известный Соболевский возит его по трактирам, кормит и поит на свой счет. Соболевского прозвали *брюхом Пушкина*»⁸.

Сам Пушкин 18 февраля 1827 г. давал такой отчет П.П. Каверину об их быте на Собачьей площадке: «...наша съезжая в исправности — частный пристав Соболевский бранится и дерется по-прежнему, шпионы, драгуны, - - - - и пьяники толкуют у нас с утра до вечера». В воспоминаниях Полевого, в дневнике Погодина не раз отмечается, что относительно ранние (около полудня) визиты к Пушкину в «Европу», а затем в квартиру Соболевского застают Пушкина или «в постели», или только что вставшим. Погодин вспоминал, как однажды заехал к нему с Шевыревым, чтобы получить стихи для журнала, специально пораньше, «чтобы застать его дома, а он еще не возвращался с прогульной ночи, — и приехал при нас. Помню, как нам было неловко»⁹. В Москве Пушкин, в числе прочего, активно предавался карточной игре и посвящал ей немало времени («не столько теперь занимается стихами, как карточной игрой и променял Музу на Муху, которая теперь из всех игр в большой моде», — сообщалось 5 марта 1827 г. в жандармском донесении). Здесь Соболевский, как кажется, не часто сопутствовал Пушкину. Зато он, что хорошо известно, зарекомендовал себя как мастер улаживать дуэльные дела Пушкина.

Еще одной важной заботой Пушкина в Москве стало продвижение своих издательских дел, и тут его помощник и поверенный — Соболевский, который уже с 18 сентября вступает в регулярные сношения с цензором И.М. Снегиревым, — привозит к нему и забирает из цензурного комитета предназначенные к печати пушкинские тексты: вторую главу «Онегина», «Графа Нулина», «Братьев разбойников»¹⁰, ведет переговоры об изменении отдельных строк; весной 1827 г. он заведует изданием «Цыган» (в благодарности за что получает от Пушкина экземпляр поэмы на пергаменте).

Соболевский также во многом выступает посредником в литературных контактах и знакомствах Пушкина — организует встречи писателей и вечера, передает приглашения, ездит вместе с Пушкиным с визитами. Ксенофонт Полевой вспоминает о первом посещении Пушкиным их московского дома: «...как-то вечером он приехал к нам вместе с С.А. Соболевским,

8 *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. Пб., 1922. С. 40. В новейшей републикации этого документа по той же рукописи Фон-Фока прозвище Соболевского приведено иначе: «*брюки Пушкина*» (Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение / Изд. подготовил А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 221). Вне зависимости от верности воспроизведения источника такое чтение является бессмысленным и ошибочным — все свидетельства говорят, конечно же, в пользу «брюха».

9 А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 14.

10 Очевидно, что дневниковая запись Снегирева от 18 сентября: «Соболевский привез ко мне цензуровать стихи Пушкина» — относится к тетради с «Графом Нулиным» и «Братьями разбойниками», а не к каким-то неизвестным стихотворениям (ср.: *Летопись*. Т. 2. С. 178, 182, 185, 462): в субботу Соболевский привез тетрадь Снегиреву домой, а в понедельник тот внес ее в цензурный комитет, откуда 30 сентября Соболевский получил ее «для поправки».

который сделался путеводителем его по Москве и впоследствии поселил его у себя». Говорили о романтических теориях и о Шекспире, причем Пушкин «выразительно напомнил о неблагопристойностях, встречаемых у Шекспира», затем он «несколько развеселился бутылкою шампанского (тогда необходимая принадлежность литературных бесед!) и даже диктовал Соболевскому комические стихи в подражание Вергилию. Не припомню, какая случайность разговора была поводом к тому, но тут я видел, как богат был Пушкин средствами к составлению стихов: он за несколько строк уже готовил мысль или созвучие и находил прямое выражение, не заменимое другим. И это шутя, между разговором!»¹¹

Соболевский познакомил Пушкина с А. Мицкевичем, с приехавшим в Москву М. Глинкой, но главным кругом литературного общения Пушкина стала группа молодых московских писателей — члены так называемого общества «любомудрия» и их приятели, — к числу которых принадлежал и М.П. Погодин¹². Соболевский тоже примыкал к этому кружку, но в отношениях 1826—1827 гг. он скорее выступает «со стороны Пушкина», как его представитель и доверенное лицо.

10 сентября у Соболевского состоялось первое публичное чтение «Бориса Годунова» в узком кругу. Через Соболевского получил приглашение дальний пушкинский родственник поэт Д. Веневитинов, а его друга Погодина не позвали, что того очень расстроило: «Мне больно или завидно. Зачем же не хотел познакомиться со мною и проч. <...> Думал о журнале с Пушкиным. Славное бы дело! Дождался их — целый день они там. Думал об обеде в честь Пушкину». Огорчение Погодина понятно: Пушкин не просто кумир, с ним связаны большие литературно-издательские надежды «любомудров». В январе 1826 г. вышел собранный Погодиным альманах «Урания», куда Пушкин через Вяземского передал пять своих стихотворений; весь год активно обсуждаются планы новых изданий. «Программы сменялись программами, и в эту-то минуту, когда мы были, так сказать, впопыхах, рвались работать, думали беспрестанно о журнале, является в Москву А. Пушкин. <...> Представьте себе обаяние его имени. <...> Пушкин представлялся нам каким-то гением, ниспосланным оживить русскую словесность», — вспоминал позднее Погодин. В связи с издательскими проектами положение самого Погодина в московском кружке в 1826 г. заметно упрочилось: оказались востребованными его трудолюбие, способ-

11 А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 65—66.

12 Даже с Вяземским он общается не так часто и мало обсуждает с ним литературные дела, разочаровавшись в надежде «оторвать» его от «Московского телеграфа», чтобы объединиться вокруг «Московского вестника» и сделать журнал «своим». Об этом же несостоявшемся альянсе Вяземский извещал на рубеже февраля—марта 1827 г. А.И. Тургенева, замечая: «Да с Пушкиным никак не сговоришься, да и к тому он ничего не делает. Он запоем влился в московскую жизнь, влюблен, истаскался и только» (Хроника. С. 132). Из новых работ, посвященных общению Пушкина с «московскими юношами» и их журнальным планам, упомянем две богатые фактическим и аналитическим материалом статьи: указанное исследование Н.Н. Мазур и опубликованную в том же сборнике статью К.Ю. Рогова «Из истории учреждения «Московского Вестника» (К проблеме Пушкин и Вяземский: осень 1826 года)».

ность поставлять различные прозаические сочинения, вести организационную работу, что ранее перекрывалось несколько снисходительным отношением со стороны интеллектуально более утонченных приятелей («Смотрят на меня как на неспособного к мудрствованию», по его же определению). Понятно, как взволновали Погодина переданные ему Веневитиновым на следующий день после встречи с Пушкиным слова поэта: «Альманах не надо издавать, — сказал он, — пусть Погодин издаст в последний раз, а после станем издавать журнал, — кого бы редактором, а то меня <?> с Вяземским считают шельмами». — «Погодина», — сказал Веневитинов. «Познакомьте меня с ним и со всеми, с кем бы можно говорить с удовольствием. Поедем к нему теперь». Но вечером Пушкин сам заехал к Веневитинову и там «утвердил и укрепил» ранее заочное знакомство с Погодиным («Пробыл минут пять — превертлявый и ничего не обещающий снаружи человек», по погодинской характеристике).

С этого времени Погодин часто встречается с Пушкиным, хотя порой ему кажется, что Пушкин его избегает и раздражается на него (то Погодина не зовут на очередное собрание кружка, то Пушкин как бы нарочно ускользает из дому: «Не от меня ли он ушел», то у него странное выражение лица: «Не от меня ли он сделал гримасу», и т.д.). Но дела по организации общего журнала продвигаются успешно¹³, Погодин согласован как его редактор, а Пушкину за участие предполагается выплачивать ежегодно крупную сумму (10 тыс. с 1200 экземпляров; реально в 1827 г. он получит 1000 руб.). Основание «Московского вестника» отмечают 24 октября обедом в доме Хомякова; присутствуют Пушкин, Соболевский, Мицкевич, Баратынский, братья Веневитиновы и Киреевские, Шевырев, В.П. Титов и другие. Погодин записал: «Общий обед — очень приятно было взглянуть на всех вместе. <...> Обед чудный, но жаль, что общего разговора не было. С удовольствием пили за здоровье Мицкевича, потом Пушкина. Подпили». В.И. Оболенский, «подпив за столом», смешно выражал Пушкину свои восторги, и все хохотали. «Сколько тут было шуму, смеху, сколько рассказано анекдотов, планов, предположений», — вспоминал Погодин позднее. Зимой—весной 1827 г. связанный с журналом кружок собирается часто. «Вечера, живые и веселые, следовали один за другим, у Елагиных и Киреевских за Красными воротами, у Веневитиновых, у меня, у Соболевского...» Впрочем, Погодин несколько вечеров пропустил, как он сам объяснял, «страха ради иудейска», боясь в качестве редактора «слишком часто показываться в обществе людей, подозрительных для правительства», чтобы не скомпрометировать журнал. «Подозрительными» были «не совсем обеленные» Пушкин, Баратынский и Мицкевич с другими филаретами.

Собрания обычно не обходились без застолья. «С Шевыревым споры доходили у нас чуть не до слез, и когда, в общих собраниях сотрудников,

13 Погодин вспоминал: «Пушкин знакомился с нами со всеми ближе и ближе. Мы виделись все очень часто. <...> Толки о журнале <...> усилились. Множество деятелей молодых, ретивых было, так сказать, налицо, и они общили Пушкину общее желание. Он выразил полную готовность принять самое живое участие. После многих переговоров редактором был назначен я. Главным помощником моим был Шевырев. Много толков было о заглавии. Решено: «Московский вестник»» (А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 38).

у спорщиков уже не хватало сил и горло пересыхало, запивались кипрским вином, которого большой запас удалось нам приобрести как-то по случаю. Вино играло роль на наших вечеринках, но отнюдь не до излишества, а только в меру, пока оно веселит сердце человеческое. Пушкин не отказывался иногда выпить. Один из товарищей был знаменитый знаток, и пред началом “Московского вестника” было у нас в моде “алеатико”, прославленное Державиным», — вспоминал Погодин¹⁴. Упомянутый «знаток» — скорее всего, Соболевский (например, 1 мая 1827 г. Погодин в дневнике отмечает, что они «пили “алеатико»» дома у Соболевского); по вопросу «излишества» следует вспомнить знаменитую дорожную «инструкцию» из письма Пушкина Соболевскому от 9 ноября 1826 г.: «Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. <...> На каждой станции совету ю из коляски выбрасывать пустую бутылку...»

В позднейших воспоминаниях Погодин, конечно, акцентирует «душевность» этих «чудных» литературных обедов, но даже в кратких записях дневника порой сквозит его раздражение. О том, что сотрапезников на подобных собраниях не всегда объединяла искренняя душевная приязнь, поведал в своих «Записках» Кс. Полевой, рассказывая об одном из вечеров, устроенном его братом для примерно той же компании весной 1827 г.: «...ужинали, пировали всю ночь и разъехались уже утром. Пушкин казался председателем этого сборища и, попивая шампанское с сельтерской водой, рассказывал смешные анекдоты, читал свои *непозволенные* стихи, хохотал от резких сарказмов И.М. Снегирева, вспоминал шуточные стихи Дельвига, Баратынского. <...> Глядя на пирующих вместе образованных, большею частью любезных людей, кто подумал бы, что в душе многих из них таились мелкие страстишки и ненависть к тому, у кого они пировали? Только “приличия были спасены”, — если позволят употребить здесь выразительный французский идиотизм»¹⁵. Впрочем, «спасались» приличия тоже не всегда. Два года спустя, когда Пушкин вновь был в Москве, «представители русской образованности и просвещения» собрались на завтрак у Погодина, дневниковая запись которого фиксирует факт разговора Пушкина с Мицкевичем и содержит резюме общей беседы: «Разговор от еды и <?> до Евангелия, без всякой последовательности, как и обыкновенно. Ничего не удержал, потому что не было ничего для меня нового...» (27 марта 1829). Но присутствовавший на завтраке С.Т. Аксаков сообщил Шевыреву характерную подробность: «С неделю назад завтракал я с Пушкиным, Мицкевичем и другими у Михаила Петровича. Первый держал себя ужасно гадко, отвратительно; второй — прекрасно. Посудите, каковы были разговоры, если второй два раза принужден был сказать: “г.г. порядочные люди и наедине и сами с собой не говорят о таких вещах!”»¹⁶ Противопоставление Пушкина «приличному» и «высококультурному» Мицкевичу — заметная тема также в «Записках» Кс. Полевого в контексте 1826–1827 гг.

14 А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 41. Сохранилось предание, что Шевырев, который был «физически слаб перед вином» и пьяным начинал «говорить о любви, о согласии, братстве», очень умилился этим Пушкина, восклицавшего: «Ах, Шевырев! Зачем ты не всегда пьян!» (Вересаев В.В. Пушкин в жизни. С. 387).

15 А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 69–70.

16 Летопись. Т. 3. С. 39.

По погодинскому дневнику видно, как осенью—весной 1826—1827 гг. у него нарастает раздражение против Соболевского, во многом из-за реальных или мнимых претензий последнего играть заметную роль в журнале и в отношениях «москвичей» с Пушкиным. Записи за конец октября 1826 г.: 26 «Толковал с Соболевским о журнале и спорил», 27 «Завтрак<али> у Соболевского и спорили о журнале, к коему Соболевский придумал цензоров (себя)», 30 «У Веневитиновых рассердил Соболевский, говоря о писесах Пушкина. На все смотрит этот чудак с пирожной стороны». 15 ноября, после отъезда Пушкина: «Вечеру у меня цензоры. Толковали о журнале. Соболевский надоел». Соболевский «невежа» и т.п. 28 декабря, в доме на Собачьей площадке: «Досадно, что свинья Соболевский свинствует при всех. Досадно, что Пушкин в развращенном виде пришел при Волкове». Кроме того, у Соболевского были и собственные, «конкурентные» издательские амбиции. 13 февраля 1827 г. он писал В.Ф. Одоевскому: «Я теперь в таких обстоятельствах, что могу издать альманах, в котором будет и “Годунов” Пушкина...» Сам Пушкин тоже смотрел на редакторство Погодина как на роль служебную и второстепенную («Погодин ни что иное, как *имя, звук пустой* — дух же я, т.е. мы все православные», — объяснял он 26 января В.И. Туманскому). С самого начала он убеждал Вяземского в необходимости объединения истинных «порядочных литераторов»: «Полевой, Погодин, Сушков, Завальевский, кто бы ни издавал журнал, все равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно. Мы слишком ленивы, чтоб переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вот зачем и издатель существует <...> Может быть, не Погодин, а я буду хозяин нового журнала» (9 ноября 1826 г.). Подобным образом Пушкин позднее объяснял ситуацию и Дельвигу (письма от 2 марта и 31 июля 1827 г.). Так что именование Пушкиным в письмах Погодину «Московского вестника» «нашим» было многосмысленным и не ограничивалось лишь выражением поддержки редактора и обязательством присылать свои тексты. По вопросу о том, «чей» же это журнал, их мнения не совсем совпадали.

Примерно таков общий контекст создания двух стихотворений, которые ранее не привлекались для описания жизни Пушкина в 1826—1827 гг.

К концу жизни Соболевский сложил большинство сохранившихся у него записей своих стихотворных произведений и передал эту подборку М.Н. Лонгинову, в составе архива которого она поступила в Пушкинский дом¹⁷. В этом конволюте, собранном из отдельных листов с автографами и списками стихотворений, расположенных в примерной хронологической последовательности от конца 1810-х до 1850-х гг., на л. 34 и его обороте — черновая запись Соболевского стихотворения, помеченного им сверху «С Пушкиным». Немногие исследователи, описывавшие состав данного сборника, обращали внимание и на этот текст, давая ему одинаково однозначную характеристику.

Одним из первых со стихами и письмами Соболевского в лонгиновском архиве работал М.Д. Беляев. В качестве подтверждения сложившегося образа Соболевского как «чего-то безудержно веселого, остроумного и не-

17 РО ИРЛИ. 23498/LXXXI6.14. Переплетенный конволют, 231 л.

много рискованного» он ссылаясь и на его «доселе не опубликованные» стихи, и на ту их часть, которая «даже и вовсе не поддается напечатанию по причинам чисто цензурного свойства». Один пример последних он так описал в примечании: «Напр., известна рукопись недоконченного стихотворения под названием “С Пушкиным”, изобилующего такими подробностями, что вряд ли когда можно будет его опубликовать»¹⁸.

Спустя полвека эту оценку повторил новейший биограф пушкинского друга В.В. Кунин: «...в 1826—1827 гг. Соболевский был еще достаточно легкомысленным, избалованным и склонным к развлечениям самого разного рода. В архиве его хранится, между прочим, поэма “[С Пушкиным] По Москве”, ни один стих которой не может быть сообщен читателю за полнейшим неприличием»¹⁹. М. Беляев и В. Кунин дают несколько различное описание произведения: «недоконченное стихотворение» и «поэма», у Беляева оно фигурирует «под названием» «С Пушкиным», у Кунина этот вариант почему-то дан как отвергнутый и исправленный на новый: «По Москве». Но оба говорят о нем как о бесспорном сочинении самого Соболевского.

Что же представляет собой этот текст? Приведем его, давая в прямых скобках зачеркнутые варианты.

С Пушкиным

1 Изобильную блядами
Я люблю, друзья, Москву
Ведь не даром между вами
Ебуном давно слыву.

*

5 Здесь старинныя веселья
Хоть и в [жопу] гузно не ебут,
Дружбы резвого похмелья
И любви здесь приют.

*

Щекатуренныя рожи
10 Из окна на нас глядят
На луну оне похожи
И приветно томен взгляд

*

[Холод] Вечер только разольется
[Строка зачеркнута, и к ней дано примечание]*

18 Беляев М. С.А. Соболевский. Юношеские стихотворения // Литературные портфели. I. Время Пушкина. Пб.: Атений. 1923. С. 30. Беляеву принадлежат также публикации фрагментов о Пушкине из писем Соболевского Лонгинову (Пушкин и его современники. Л., 1927. Вып. 31/32) и отрывка из воспоминаний Соболевского о Пушкине (Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пг., 1924). Ранее издававшие стихи Соболевского и специально писавшие о нем В. Каллаш, В. Сайтов, С. Штрайх возможности использовать рукописи лонгиновского архива не имели (см.: Соболевский друг Пушкина. Пб., 1922. С. 40; ср.: Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 230—234).

19 Кунин В.В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 47—48.

- 15 [Здесь] И у каждого зайдет
в портках, в штанах.
*Variante pour le [слово вычеркнуто]:
В потемневших небесах
- *
- На Тверской среди тумана
В виде [грозном] мрачном великана
Песней громких Оссиана
- 20 Трахир!
С ним божий мир
- *
- Миньютюрная Европа
Ты почилa [сладким] мертвым сном!
Лишь Часовникова жопа
- 25 [Испещренная] Заклейменная говном
Бодро бздит под полотном.
- *
- [Пушкин] Нам пора мой друг растаться
Жопе время умываться
Нам же — зарядить корпус
- 30 Финис коронат опус.

Первые четыре строфы записаны на лицевой стороне листа (внизу его дано примечание о варианте вымаранной 14-й строки), заключительные три — на обороте. В шести строках первоначальные чтения исправлены на другие варианты, в том числе вместо первоначального в строке 27 «Пушкин нам пора растаться» — «Нам пора мой друг растаться». В строке 21 слово «божий» вписано сверху. В строках 29–30 у слов проставлены ударения. Следует сказать, что никакого варианта заглавия «По Москве» у текста нет, а указание сверху «С Пушкиным» приписано едва ли не позже, что представляется немаловажным. Кроме того, отдельные строки и слова подчеркнуты (целиком строки 11, 21 и 30, в строке 8 — «здесь уют», 9 — «Щекатуренный», 25 — «Заклейменная», 26 — «бздит под полотном»), а ряд строк отмечены по полю слева вертикальной чертой (строки 4, 6, 14–15, 17–19, 23–24). Отметки, похоже, принадлежат самому Соболевскому.

За слабой осмысленностью этой «стихотворной галиматши», ее неотделанностью и композиционно-образной хаотичностью все же тематический контекст стихов вполне ясен — речь идет о вечерних развлечениях, после которых следует возвращение в ночь в гостиницу («трактиру») Часовникова «Европа», где «друзья» расстаются, причем, по варианту 27-й строки, один из друзей — Пушкин. Характер замены вариантов отдельных слов (приписывание не сверху, по зачеркнутому, а сразу, только что после записи отвергнутого слова), оставленный пропуск в начале 16-й строки, неопределенность композиции пятой строфы — все это, как кажется, говорит в пользу того, что стихотворение записывалось экспромтно и сочинялось «на ходу». Возникает предположение: не был ли свидетелем и участником этой процедуры Пушкин? Как мы помним, об их совместном с Соболевским спонтанном сочинительстве примерно в эти же дни (Пушкин устно, Соболевский пишет) вспоминал Кс. Полевой. Как кажется, именно такая версия позволяет понять и помету перед стихами — «С Пушкиным»: это

атрибуционная запись об обстоятельствах сложения данных стихов, а в качестве «заглавия» она бессмысленна. Остается неясным значение подчеркиваний и отчеркиваний в тексте. Отметки мест, к которым следует вернуться для доработки? Но вряд ли Соболевский вообще предполагал «дорабатывать» это сочинение. Если принять версию «соавторства», то отметки могут выделять «чужие» варианты (с меньшей долей вероятности — «свои»), т.е. Соболевский постарался зафиксировать в записи «пушкинские» строчки и выражения. Как было на самом деле, мы не знаем.

Среди книг и документов, доставшихся М.А. Цявловскому из собрания семьи Бартеневых²⁰, была и небольшая тетрадь в 16 л. с заголовком «Записки Владимира Сергеевича Бартенева. 1905 г., 1906, 1907, 1908, 1909». Она заполнена в основном эпиграмматическими стихами и «историческими анекдотами», которые В.С. Бартенев записывал со слов своего деда, Петра Ивановича. Здесь приведен и целый ряд стихотворений Соболевского, большинство из которых уже было напечатано (главным образом, на страницах бартеневского же «Русского архива») и затем вошло в издание 1912 г. Но один из последних текстов тетрадки (л. 16 об.) так и остался необнародованным.

В столбце тематических выносок на полях В.С. Бартенев обозначил его героев: «Пушкин. Погодин». Сам текст представляет собой стихи с пояснительным комментарием:

Жопообразнейший урод
Скажи, коль я ответа стою
Зачем говноточивый рот
Так сходен с блядскою пиздою.

Для сходства большего с пиздой
Где нужен нос между щеками
Там у тебя нарост дурной
Собачий кляп с двумя мудями.

Написал Пушкин на Погодина, после того, как нассал ему в рот, поваливши его с Соболевским, по окончании обеда, устроенного на деньги Пушкина; этому обеду Погодин придал вид будто это он сам его дает своим сотрудникам и знакомым, что было тем более легко, т.к. он происходил в его доме на Мясницкой в 1827 году. Рассказывал это деду Соболевский.

Сразу обращает на себя внимание противоречие места и времени в определении обстоятельств сложения этого стишка. В 1826—1827 гг. Погодин жил в Дегтярном переулке (дом 4) и лишь в 1830 г. переехал оттуда на Мясницкую. Если доверять правдивости самого факта рассказанного происшествия, то версию о его неверной датировке следует отвергнуть: с осени 1828 по июль 1833 г. Соболевский находился за границей; приурочить эту фантазмагорическую выходку с Погодиным к приездам Пушкина в Москву в 1833—1834 гг. не представляется реальным. Вернее полагать ошибку в указании места действия — смешение раннего адреса Погодина с более поздним на Мясницкой. Это вполне естественно и имеет пря-

20 См. об этом: Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 46 и след., 221, 223.

мую параллель в разногласиях между теми же действующими лицами. В поздних воспоминаниях о Шевыреве Погодин писал, что «живые и веселые» вечера 1826/1827 г. (по контексту — с участием Пушкина) «следовали один за другим, у Елагиных и Киреевских за Красными воротами, у Веневитиновых, у меня, у Соболевского в доме на Дмитровке, у княгини Волконской на Тверской». Хотя сам Соболевский прямо указывал Погодину в 1864 г.: «Пушкин жил у меня на Собачьей площадке; когда после его отъезда я переехал на Дмитровку, то он там у меня *никогда не бывал ни разу*»²¹.

Таким образом, действие рассказа могло происходить или у Погодина в Дегтярном, или в доме у кого-то из третьих лиц. Неоднократным местом сбора всей компании, начиная с сентября 1826 г., был дом Веневитиновых (в Кривоколенном переулке), расположенный, по топографическому определению Погодина, «между Мясницкою и Покровкою, по дороге к Армянскому переулку»²². Здесь состоялось и знаменитое чтение «Бориса Годунова» 12 октября (возможно, и 25 сентября в более узком кругу), здесь на следующий день своего «Ермака» читал Хомяков. Данных о посещении Пушкиным квартиры Погодина в 1826 г. нет (к нему лишь изредка заглядывал Соболевский), визиты поэта в Дегтярный отмечены 6 апреля и 15 мая 1827 г., но, как известно, главный источник сведений об их общении в это время — дневник Погодина — не сохранил всей информации о Пушкине, зафиксированной по свежим следам Погодиным. Параллельно с общим дневником он вел «особую тетрадь» с записями о встречах с поэтом, о разговорах с ним; тетрадь эта до нас не дошла. Так, и о «завтраке», устроенном у Погодина 15 мая, мы знаем из дневника не его самого, а И.М. Снегирева и из восходящих к Погодину заметок В.Ф. Щербакова. Об атмосфере «дружеских застолий» московской литературной компании мы кратко говорили в преамбуле этого сообщения, что-то конкретное добавить сейчас трудно.

В еще большей степени, чем отсутствие в доступных источниках прямых отголосков рассказанного Бартевым внуку эпизода, против его подлинности может, казалось бы, насторожить сама история отношений Пушкина и Погодина в эти годы. Не лишены напряженности и некоторых взаимных претензий, их отношения, однако, не доходили до прямого разрыва, но была ли такая развязка даже в случае «застольного буйства» обязательной? И нельзя ли полагать, что при двойном пересказе какое-то реальное зерно обросло привнесенными деталями? Последнее весьма вероятно. Более того, мы сейчас обладаем сведениями, способными, с одной стороны, подтвердить историческую реальность записанных В. Бартевым стихов и, с другой стороны, скорректировать возможные обстоятельства их возникновения.

Нижегородский «лесной инженер» А.П. Белов в начале 1920-х гг. списал в селе Венец Горбатовского уезда часть «пушкинских рукописей», принадлежавших ранее «старушке» М.О. Ивановой, скончавшейся в 1917 г. У нее в сундуке хранилось много старых бумаг, в том числе «особый конверт с надписью *А. Пушкин*», где якобы были «двенадцать писем Пушкина, его же какие-то отрывки в стихах и прозе, весьма трудно разбираемые по причине крайне небрежного почерка, и, наконец, тетрадь известных в литера-

21 А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 39, 15.

22 Там же. С. 36.

туре стихотворений великого поэта с печатью и разрешением от цензуры». После ее смерти все собрание приобрел живший по соседству «просвещенный крестьянин» Д.П. Кильдяшкин, который и предоставил рукописи Белову. Об этой загадочной истории и неудавшихся попытках выйти позднее на след собрания М.О. Ивановой рассказано в недавней публикации С.В. Шумихина²³. Нас в данном случае интересует копия одного из листов «пушкинского» конверта, снятая Беловым и посланная им в редакцию газеты «Известия». Вот списанный Беловым текст с его пояснениями:

«Г...точивая дыра,
 Ответ, коль я вопросы строю
 Зачем
 Украшена бл... п....
 И отчего, скажи, прирос
 К лицу над жирными щеками,
 Где у людей бывает нос,
 Собачий х.. с двумя м....

Ниже приписано: “Вот тебе, милый Лидке (?), плоды моего уединенного созерцания. Как ты хочешь...” — дальше по-французски. На оборотной стороне написано: “Московскому амфитриону”. Третьей строчки я вполне разобрать не мог. Прочие до крайности неприличны и мне удивительно, как покойная М.О. Иванова их могла у себя держать. Однако я решаюсь и их предать печати, так как Д.П. Кильдяшкин мне говорил, что в полных собраниях Пушкина свободно печатают и такого рода вещи».

Практически ничего не зная ни о М.О. Ивановой, ни об источниках хранящихся у нее рукописей, отметим следующее. Копия А.П. Белова явно представляет собой вариант «соболевско-бартеневского» текста, который, таким образом, получает некую дополнительную верификацию: уменьшается вероятность того, что он был «сфабрикован» в гораздо более поздние времена, чем тот год, к которому, по рассказу П.И. Бартенева, его приурочил Соболевский. Опять же, в явно независимом от Бартеневых источнике текст связывается с именем Пушкина, но здесь он представлен не как «обеденный экспромт», а как «плод уединенного созерцания» и включен в записку к некоему «Лидке», в правильности прочтения имени которого сомневался и сам Белов. Кому записка адресована, мы сейчас сказать не можем²⁴, но важно второе именование адресата — «Московский амфитрион», соотносящее стихи как с Москвой, так и с «застольной ситуацией», что также соответствует «легенде Соболевского».

23 Шумихин С.В. Рукописи села Венец (Несостоявшаяся экспедиция 1938 года за пушкинскими бумагами) // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 157—165. Все цитаты приводятся по этой публикации. В 1924 г. А.П. Белов сообщил о своей «находке» в редакцию «Красной нивы», о чем было известно и Цявловскому; см. дневниковую запись Н.С. Ашукина, «первая мысль» которого была, что это может быть мистификацией Б. Садовского: Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 195.

24 Вряд ли это известный ученый-путешественник адмирал граф Ф.П. Литке или кто-то из его братьев. Маловероятен и кишиневский знакомец Пушкина К.П. Литке (Лекка). Не исключено, что неразборчивое «Лидке» вообще представляет собой какое-то дружеское имя-прозвище.

В заключение следует отметить следующее. Соболевский был, бесспорно, одним из ближайших друзей Пушкина, хорошо осведомленным в сфере его «интимности», но он принципиально не любил распространяться на эти темы. Свой взгляд он выразил в известном письме Лонгинову 1855 г. по поводу анненковского издания и его «Материалов для биографии» Пушкина: «Публика, как всякое большинство, глупа и не помнит, что и в солнце есть пятна; поэтому не напишет об покойном никто из друзей его, зная, что если выскажет правду, то будут его укорять в недружелюбии из всякого верного и совестливого словечка; с другой стороны не может он часто, где следует, оправдывать *субъекта* своей биографии, ибо это оправдание должно основываться на обвинении или осмеянии других, еще здравствующих, лиц. Итак, чтобы не пересказать лишнего или не недосказать нужного — каждый друг Пушкина должен молчать. По этой-то причине пусть пишут об нем *незнавшие* его, и пишут так, как написал А<нненков>, то есть мало касаясь его личности и говоря об ней только то, что поясняет его литературную деятельность»²⁵. Не был Соболевский и сторонником распространения в какой бы то ни было степени «неприличных» пушкинских стихов (он специально в этом же письме похвалил Анненкова за то, что тот не цитирует «Гавриилиаду» и «не восхищается эпиграммами П<ушкина>, приписывает их слабости, сродной со всем человеческим, и признает их пятнами его литературной славы»), хотя осведомлен о них был чуть ли не лучше всех и именно в 1826–1827 гг. немало их собрал²⁶. Но его всегда больше заботило «очищение имени Пушкина» от приписываемого ему, чем пополнение корпуса подобных текстов (это отчетливо видно в его работе с известной тетрадью Лонгинова, известной сейчас в копии С.Д. Полторацкого). Так что рассказанная им Бартеневу история — скорее редкое исключение и отступление от собственных правил.

Конечно, возникает вопрос: стоит ли теперь заниматься подобными «сюжетами»? Вопрос не нов, и однозначного ответа на него культура никогда не давала.

25 Цит. по: Друзья Пушкина. М., 1984. Т. 2. С. 306. Любопытно, что именно контекст воспоминаний о встречах с Пушкиным в 1826–1827 гг. вызвал сопоставление с анненковской биографией у Кс. Полевого, который, не злоупотребляя негативными подробностями, все же давал в своих «Записках» понять, что человеческое поведение Пушкина было для него во многом неприемлемым. «В толстом панегирике своем Пушкину г. Анненков умалчивает о подобных подробностях жизни его, заботясь только выставить поэта мудрым, непогрешительным, чуть не праведником», — заключает Полевой, как бы обозначая масштаб того, о чем *промолчал* он сам.

26 См. недавнюю публикацию стихотворения «Знать хотите, господа...» того же 1827 г. по списку Соболевского: Пушкин А.С. Гавриилиада. Поэма / Изд. подготовлено М. Строгановым. Тверь, 2000. С. 181–182.

литературное
НОВОИ
обозрение

№ 52 (2001)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Козлов (теория)
Мария Майофис (история)
Кирилл Кобрин (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомоллов (Москва)
Михаил Гаспаров (Москва)
Борис Дубин (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Ларс Клеберг (Стокгольм)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Основат (Москва / Лос-Анджелес)
Олег Проскурин (Москва)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Александр Эткинд (Петербург)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА